

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ТАНЕЦ

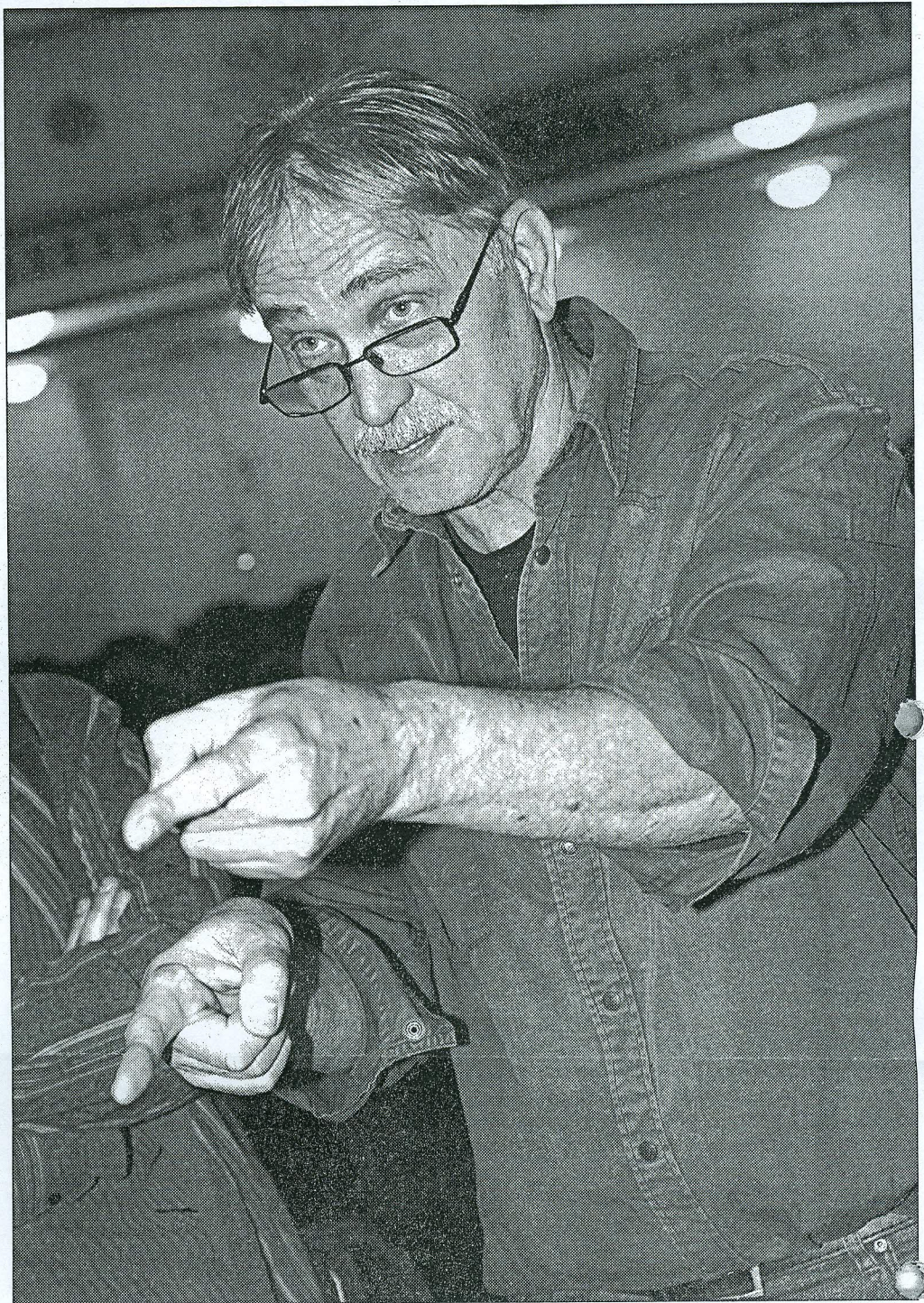
«МЭ» уже рассказывала о новой работе театра «Эстония» – мюзикле Фредерика Лоу «Моя прекрасная леди» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». Теперь этот спектакль продолжает идти при полных аншлагах, что дает надежду на его долгую и счастливую сценическую жизнь, а пока по следам недавней премьеры – несколько вопросов постановщику «Моей прекрасной леди» – известному режиссеру и хореографу Аго-Эндріку КЕРГЕ.

Николай ХРУСТАЛЕВ

— Эндрік, в финале вашего спектакля вдруг подумалось о том, что сегодня в жизни существует немалый дефицит женственности и джентльменства, и показалось, что он буквально пронизан надеждой на возвращение чего-то утраченного. Мол, ребята, пора задуматься, а то ведь неизвестно, куда в конце концов придем.

— В общем, вы недалеки от истины. Знаете, что смущает меня больше всего в нынешнее время? По знаменательным дням у нас, как и положено, проводятся торжественные приемы – смокинги, длинные платья, первый вальс. И на этот вальс, открывающий особую часть праздника, первый муж государства приглашает первую леди. И когда я смотрю на экран телевизора, который транслирует этот важный момент, то вижу умного человека, который стоит в ожидании первого такта музыки и не знает, что ему делать. И когда музыка все же начинается, он даже не делает движения головой в сторону своей леди, приглашая ее на танец. А нас ведь всегда учили, что, предлагая даме танец, ее надо пригласить, спросить разрешения. А сейчас все просто: ну что, пошли? Не знаю, относится ли это, впрочем, к нашему разговору о спектакле?

— Вероятно, относится хотя бы потому, что тема затронута более серьезная, чем может показаться на первый взгляд. Ведь сама же история появления более полувека назад «Моей прекрасной леди» столь необычна, а ее последующая судьба так ярка: только на Бродвее спектакль был сыгран 2717 раз, не говоря уже о чуде фильма с Одри Хепберн и Рексом Харрисоном. С другой стороны, это столь популярное в музыкальном театре произведение, его так часто ставят, что оно кажется уже привычным. При этом не уходит пиетет перед авторами, перед тем, что имеешь дело с великими произведениями Бернарда Шоу и Фредерика Лоу.

— Знаете, каждый, кто берется за постановку великого произведения, в глубине души, конечно же, не хочет никого и ничего повторять. Он живет уверенностью, что создает нечто такое, чего до него еще не было, потому что думает, это обязательно будет по-новому и по-другому.

Скажу честно, я такой цели перед собой не ставил, мне просто хотелось, чтобы потом, когда спектакль закончится, кто-то из зрителей вдруг на секунду задумался о том, как он к кому-то относится и как относятся к нему, как он с кем-то разговаривает и как говорят с ним, отчего в отношениях мужчины и женщины вдруг наступает тягостность и с чего это вдруг закоренелый холостяк

профессор Хиггинс, который не уставал повторять, что всегда живет, как хочет, неожиданно испытал на ведомую доселе сердечную тревогу. Что его так встревожило? В конце концов он выиграл пари, за три месяца научил простую цветочницу разговаривать так, будто она герцогиня. А девушка возьми и поставь его на место. И вдруг Хиггинс осознает, что не в правильно произносимых звуках тут дело, а в том, что у Элизы есть то, чему научить нельзя, — врожденное благородство, какое никакими уроками не воспитать. Можно подобно Хиггинсу знать, как вести себя, но пренебрегать, считать это своим козырем. И вдруг Элиза именно этого козыря профессора лишает. Если зритель про-

2 x фото Элины ПЯЗОК

чет это в нашем спектакле, то я буду рад и за него, и за Хиггинса.

— **Дело тут, наверное, не только во врожденном благородстве Элизы, но и в том, что она пытается защитить свое человеческое достоинство?**

— Если бы в простой девушке изначально не существовала леди, то все попытки Хиггинса вылепить из нее герцогиню оказались бы безуспешными. Но Элиза похожа на прекрасный цветок, который готов распуститься, только бы нашелся тот, кто сумел бы помочь этому. Эта перемена была так естественна и возможна, что не могла не произойти. И вдруг — ни слова признательности после блистательной победы, которая стоила Элизе столько душевных и физических сил. А это, между прочим, довольно распространенное сегодня явление — забывать о словах благодарности там, где их необходимо произнести. Опыт показывает, что сожалеть по этому поводу бессмысленно, это надо просто пережить в надежде, что следующие поколения не повторят нашего печального опыта и возвратятся к тем ценностям, которыми человечество жило в течение многих веков.

— **Думается, этот разговор носил бы достаточно умозрительный характер, если бы в вашем спектакле мы не встретились с актрисой Городского театра Хеле Кыре. Мало того, что ее драматическое**

дарование — отдельная тема, достаточно вспомнить роли Хеле на сцене родного театра, так ведь она еще прекрасно поет, отлично танцует, кажется, что она просто создана для этой роли.

— Думается, в данном случае повезло нам всем — и мне, и спектаклю, и ей самой. Эта роль еще раз подтверждает, что в данном случае мы говорим об актрисе, у которой хорошее будущее. Я помню, как в начале 80-х я ставил на сцене «Эстонии» «Бал в Савойе» и тогда привел с собой двух своих однокурсников — Урмаса Кибиспуу и Юри Крюкова. К тому времени они уже успели достаточно успешно проявиться и в драматическом театре, и в кино, но, придя в музыкальный театр, они сумели привнести нечто новое и в его жизнь, и в свое творчество. Хеле Кыре, и не только она, но и ее коллеги, драматические актеры, также занятые в нашем спектакле, несомненно, украсили «Мою прекрасную леди», но этот спектакль, без сомнения, принес пользу и им самим. Хочу подчеркнуть, что в то же время театр «Эстония» располагает и своими отличными артистами, которые не менее интересны в ролях Элизы или Хиггинса, или Пикеринга, не говоря уже о миссис Пирс. А вы знаете, как порадовал меня хор театра! С каким удовольствием его певцы танцуют в больших сценах. Чувствуется, что им нравится это делать, а на сцене

всегда видно, когда актеру нравится или не нравится.

— **Вы отдали театру не один год, знавали разные в нем времена, вам в нем, в театральном деле вообще, сегодня интересно работать?**

— Однозначно не ответить. На мой взгляд, художественная сторона в драматическом театре сегодня находится в глубоком кризисе и, по правде говоря, мне неинтересна. Но и в музыкальных театрах, а их у нас два, северный и южный, в Таллинне и в Тарту, ситуация такая же. И начинается все, разумеется, с постановщиков. А когда их не хватает, начинаются метания: давайте поставим вот это, нет, давайте это, пригласим того, он танцы умеет вставлять, а этот сможет дирижировать, а тут смешно может получиться, герой будет все время падать, а публика смеяться... Я так не хочу, не умею. Мне кажется, что помочь зрителю улыбнуться — это очень серьезное дело.

— **Не получается, что начали мы за здравие, а завершаем на грустной ноте?**

— Ни в коем случае, все происходящее нормально, спады случались всегда. Это нелегкий период, и его надо просто пережить. А потом обязательно начнется подъем, придут талантливые постановщики, они уже есть, уже пробуют силы, а главное, есть тенденции. Все имеет свойство меняться. И в жизни, и в театре.